

**Александр
Иванович Куприн
(1870-1938)**

Биография Куприна очень интересна, сам он был потрясающим человеком, душа которого смогла вынести многие и многие испытания. Александр Иванович - едва ли не самая колоритная фигура в русской литературе. По его биографии можно смело снимать приключенческий фильм - настолько богата была его жизнь событиями.

Отец писателя, Иван Иванович Куприн, был мелким чиновником. Мать, Любовь Алексеевна, происходила из древнего рода обедневших татарских князей Кулунчаковых. Знаменитый писатель появился на свет 26 августа 1870 года в небольшом городке Наровчате Пензенской губернии, имения в которой

Л.А. Куприна, мать писателя

когда-то получил дед Любви Алексеевны, князь Кулунчаков. За два века обширные вотчины были проиграны и прогуляны тремя поколениями повосточному вспыльчивых и неуживчивых князей, и бесприданнице Любе не оставалось другого пути, кроме как замуж за посватавшегося к ней скромного письмоводителя Наровчатской городской больницы Ивана Ивановича Куприна. За девять лет она родила ему пятерых детей, из которых трое не дожили и до двух лет. Шестым родился Саша. А спустя год отец семейства умер от вспыхнувшей эпидемии холеры. Семья осталась без средств к существованию, и мать, забрав с собой маленького Сашу, в 1874 году переехала жить в Москву.

С тех пор у мальчика началась сиротская жизнь с большими обидами и нуждой. С необыкновенной едкостью и горечью Куприн написал об этом в рассказе «Река жизни»:

«Моя мать... рано овдовела, и мои первые детские впечатления неразрывны со скитаньем по чужим домам, клянченьем, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, слезливыми, жалкими гримасами с этими подлыми уменьшительными словами: кусочек, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли целовать ручки у благодетелей - у мужчин и у женщин. Мать уверяла, что я не люблю того-то и того-то лакомого блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что от оного хозяйским детям достанется больше и что хозяевам это будет приятно. Прислуга втихомолку издевалась над нами: дразнила меня горбатым, потому

что я в детстве держался сутуловато, мою мать называли при мне приживалкой и салопницей... Я ненавидел этих благодетелей, глядевших на меня, как на неодушевленный предмет, сонно, лениво и снисходительно совавших мне руку в рот для поцелуя, и я ненавидел и боялся их, как теперь ненавижу и боюсь всех определенных, самодовольных, шаблонных, трезвых людей, знающих все наперед».

Как и на что жила несколько лет вдова с детьми, кто и как в конце концов помог ей пристроить дочерей в казенные пансионы, а для себя выхлопотать место во Вдовьем доме, куда особенно бедным женщинам в качестве исключения разрешалось брать и малышей, Любовь Алексеевна сказать не могла. Отчетливо помнилась только вечная ломота в ногах от постоянного хождения по казенным конторам да судорога, сводившая по вечерам лицо, изнемогавшее от постоянных заискивающих улыбок. Несмотря на все лишения, дети, впрочем, подрастали здоровыми и смышленными. Вот только упрямый, вспыльчивый и пытливый характер Саши плохо вписывался в образ жизни тех казенных заведений, где ему приходилось расти. Трепетно ласковый с матерью, он не мог спустить чужим людям даже самой невинной насмешки. А в насмешках бедно одетый скуластый мальчик недостатка не знал.

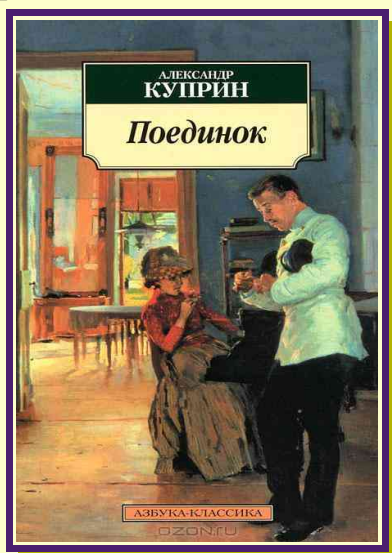
Сиротские кровати под казенными одеялами и форменные одеяния сменяли друг друга. За Вдовьим домом последовало сиротское училище, потом – кадетский корпус. Выходя на его крыльцо после свиданий с сыном, Любовь Алексеевна неизменно истово крестилась на видневшуюся из-за крыш маковку соседней церквушки: Бог даст, Сашенька выйдет из корпуса, выдержит экзамены в юнкерское училище, потом получит подпоручика... А там жалованье, казенная квартира, может быть, даже и академия ... Матери Куприна казалось, что только военная карьера сможет обеспечить её ребенку надежное будущее, поэтому Александр окончил сначала Кадетский корпус, затем Александровское юнкерское училище, годы обучения в котором позже он описал в романе «Юнкера», ставшим основой сценария фильма Н. Михалкова «Сибирский цирюльник». Тихой грустью о безвозвратно ушедшей юности, исчезнувшей стране, невозобновимом укладе исполнены страницы романа. Вынужденный жить за границей, Куприн в этом произведении уже не обличал, но поэтизировал старую Россию, вспоминал снег и Пасху, рождественские витрины и колокольный звон. Каким прекрасным казалось все в то время!

А. Куприн, кадет

В детстве Александра Куприна по имени называли редко, разве что мать во время воскресных визитов да сестры, с которыми он виделся еще реже, чем с нею. Для всего остального мира существовала только его фамилия. Даже приятели, почти сплошь такие же, как он, сироты, изувеченные казенными порядками, имен друг друга часто не знали.

Куприн сполна хлебнул муштры и грубости в кадетских и юнкерских корпусах. Бывало, по ночам плакал, но матери в письмах об этом не сообщал. Она была натура энергичная, волевая и даже с оттенком деспотизма, обладала к тому же, по словам Куприна, редким «инстинктивным вкусом» и тонкой наблюдательностью. Успокаивало его гордую душу одно редкое лекарство: тяга к сочинительству, к литературе, к книгам, к знаниям. Данный Богом талант бродил в нем, рвался наружу. Он писал стихи, напечатал свой первый рассказ, за что получил дисциплинарное взыскание: юнкерам выступать в гражданской печати не полагалось...

Армейскую жизнь он не забудет и напишет потом лучшую свою повесть «Поединок». Это небольшое по объему произведение всколыхнуло читающую публику. Об армейской жизни — не на фронте, а в мирное время — так захватывающе, глубоко и остро, правдиво не рассказал ни один писатель. Нашлись, конечно и хулители: Куприн позорит, мол, и унижает русскую армию. Но эти злобные голоса тонули в море восторгов. Читатели видели в «Поединке» и самого Куприна...

И вообще как живые стояли все однополчане писателя: унылый капитан Слива, который всегда хочет опохмелиться, необузданный Бек-Агамалов, спившийся Веткин, звероподобный капитан Осадчий, крикливый, но отходчивый подполковник Шульгович, солдаты Хлебников и Чайкан, обворожительная, хитрая и безжалостная Шурочка, ну и, конечно же, основные персонажи — Ромашов и Низанский... Полковая служба поручика Куприна нашла отражение и в его чудесных пленительных рассказах, от которых веяло человечностью, любовью, долгом и честью. Перечитаешь его новеллы и не хочется закрывать сборник. Это верный признак «работы» могучего таланта. У Куприна ничего нет приблизительного, каждая деталь правдива, на своем месте. Публика зачитывалась его «Гранатовым браслетом», «Ямой», «Молохом»... А с какой любовью и тактом писал он о детях, о животных, о родной природе! Такие рассказы как «Сашка и Яшка», «Храбрые беглецы», «Белый пудель», «Изумруд» покоряют и старых и малых.

После окончания юнкерского училища Куприн получил назначение в пехотный полк, расквартированный в глухом провинциальном городке Подольской губернии. Бесконечные занятия с солдатами ружейными приемами и шагистикой, стрельбы, попойки в офицерском собрании, короткие романы с полковыми дамами... Чтобы вырваться из этой засасывающей трясины Куприн

решает поступить в Академию Генерального штаба и отправляется в Петербург. Но судьба была к нему неблагосклонна. По дороге в столицу в Киеве, он ввязывается в дурацкую историю. В плавучем ресторане у молодого Куприна происходит ссора с полицейским приставом. Недолго думая, он, неплохой борец и гиревик, перебрасывает пристава через перила прямо в Днепр. Когда почти все экзамены были успешно сданы, жалоба обиженного пристава достигла столицы, и подпоручику Куприну запретили поступать в академию в течение пяти лет. Оскорбленный, он, вернувшись в часть, не дослужив и года - подал в отставку и остался в двадцать три года без копейки, без крыши над головой и без какой-либо серьезной специальности.

Куприн - молодой офицер

Грезившаяся некогда матушке Академия Генерального штаба так и осталась мечтой.

И начались годы скитаний и нужды. Иногда бедность подступала так, что, по его собственным воспоминаниям, "впору было красть"! Однако не крал. Кормился самыми разнообразными, иногда комическими способами, становясь то грузчиком, то рабочим на металлургическом заводе, то актером в провинциальном театре, то землемером, то кузнецом. Выручали богатырское здоровье, физическая сила и удивительная, феноменальная восприимчивость Куприна ко всяческим ремеслам, которыми он овладевал мгновенно, как талантливый полиглот овладевает чужими языками. Постепенно среди множества таких ремесел стало преобладать писательство, начавшееся с сотрудничества в провинциальных газетах и журнальчиках. Понемногу фамилия Куприна примелькалась, о нем заговорили. А вскоре неожиданным пропуском в мир столичной прессы стал рассказ "Ночная смена".

Он изучал, как живут и работают люди всевозможных профессий: инженеры, циркачи, монахи, банкиры, пожарные и др. Он стремился узнать доподлинно, не из книг, не по слухам, те вещи и факты, о которых говорил потом в своих книгах. Куприн был чудесно вооружен всевозможными практическими знаниями: он знал толк в лошадях, собаках, часами мог говорить о своих наблюдениях за рыбами, деревьями, птицами. Среди произведений Александра Ивановича Куприна есть немало рассказов, написанных для детей: «Белый пудель», «Сапсан», «Чудесный доктор», «Слон», «Барбос и Жулька» и многие другие.

Часто героями этих рассказов становились животные, которых Куприн видел и наблюдал в жизни или которые жили у него в доме. А.И. Куприн сказал как-то одной знакомой девочке: **«Живем мы рядом со многими животными и совсем о них ничего не знаем. Возьмем, например, всех собак, которых мы с тобой знали. У каждой — своя особенная душа, свои привычки, свой**

характер. То же - у кошек. То же — у лошадей. И у птиц. Совсем как у людей».

Детей и зверей Куприн обожал — свидетельство души доброй и счастливой. Дети его никогда не утомляли, и он не терялся в присутствии самых капризных. С мальчиками принимал особый тон — юмористический, приятельский, слегка задирающий, на что они отзывались мгновенно и с азартом.

В 1894 году он решает обосноваться на жительство в Киеве. Много печатается в местных и провинциальных газетах, пишет рассказы, очерки,

заметки. Репортерская работа в киевских газетах, судебная и полицейская хроника, писание фельетонов были главной литературной школой Куприна. И когда в 1896 году, поступив заведующим учетом кузницы и столярной мастерской на один из крупнейших сталелитейных и рельсопрокатных заводов Донецкого бассейна, Куприн пишет цикл очерков о положении рабочих, параллельно с циклом складываются контуры первого крупного произведения-повести «Молох», в которой индустриализация предстает в образе завода-монстра, порабащивающего человека нравственно и физически.

Так начинается стремительный творческий расцвет Куприна, создавшего на стыке двух веков едва ли не все самые значительные свои произведения. Талант Куприна обретает уверенность и силу. Вслед за «Молохом» появляются «Прапорщик армейский», «Олеся», «В цирке», «Конокрады».

В 1901 году Куприн приезжает в Петербург. Позади годы скитаний, смена различных профессий, неустроенная жизнь. В Петербурге перед писателем открыты двери редакций наиболее популярных тогдашних «толстых» журналов - «Русского богатства» и «Мира божьего». В 1897 году Куприн знакомится с Иваном Буниным, позже — с Антоном Чеховым, а в 1902 году- с Максимом Горьким, давно уже пристально следившим за творчеством молодого писателя. Приезжая в Москву, Куприн посещает литературное объединение «Среда», сближается с широкими писательскими кругами. Руководимое Максимом Горьким демократическое издательство «Знание» выпускает в 1903 году первый том купринских рассказов, положительно встреченных критикой. Затем появились повести «Молох» и «Олеся», а в 1905-ом — нашумевший «Поединок». Высоко оценил творчество Куприна Л. Толстой: **«Из молодых нет ни одного близко подходящего к Куприну».** Повесть «Гранатовый браслет» окончательно сделала его знаменитым.

Всё складывалось как нельзя лучше. К 30 годам Александр Иванович Куприн был уже известным писателем. Жил он тогда в Санкт-Петербурге, но часто покидал его. Неуёмная натура Александра Ивановича требовала

приключений. Он много странствовал (совершил длительное путешествие по Европе) и участвовал в разнообразных рискованных предприятиях: поднимался на высоту 1200 метров на воздушном шаре, летал на первых деревянных аэропланах в начале века, когда полеты были в диковинку, опускался в скафандре на морское дно. Все было ему интересно. Многие свои впечатления он описал в рассказах. Куприн был очень смелым человеком и всегда хотел испытать на себе все то, о чем писал. Однажды дрессировщик тигров предложил ему войти в клетку со зверями. Александр Иванович, конечно не отказался, но потом сообразил, что это было самое страшное из всего испытанного им и что он ничего не помнит из своих ощущений, кроме красного тумана перед глазами.

А.И. Куприн

В начале 1902 года в жизни Куприна произошло важное событие - он женился. В дом к будущей теще, Александре Аркадьевне Давыдовой, издательнице известного столичного журнала "Мир Божий", Куприна, только что приехавшего в Санкт-Петербург, привел Иван Бунин. Занимать визитеров захворавшая хозяйка поручила своей приемной дочери, двадцатилетней курсистке-бестужевке Мусе.

Вскоре Муся Давыдова стала женой Александра Куприна. Ее не смутило ни то, что будущий муж наотрез отказался называть ее привычным домашним именем, решительно заменив Мусю на Машу, ни что средств жениха едва достало, чтобы снять крошечную комнату у соседа-столяра. В первый вечер после венчания даже чай для заварки занимали у хозяина, обедать же ходили к Александре Аркадьевне. Впрочем, продолжалось это недолго: через несколько недель после Мусиной свадьбы ее приемная мать скончалась от паралича сердца, завещав дочери третью часть в своем журнале. По настоянию жены членом редколлегии "Мира Божьего" вскоре стал и Куприн.

Александр Иванович обожал жену, высоко ценил её литературный вкус, всегда прислушивался к её мнению. Порой советы Маши помогали ему избегать ситуаций, которые могли поставить его в неловкое положение. Но, тем не менее, хотя в недостатке, любви и внимания к супруге Куприна упрекнуть было трудно, их совместная жизнь мало походила на идиллию. Слишком уж разными людьми они были. Мария Карловна, женщина светская и честолюбивая, задалась целью обуздать буйный нрав мужа и сделать его модным писателем. Александр Иванович, однако, в модных салонах чувствовал себя неуютно, предпочитая им шумную богемную обстановку недорогих ресторанов, трактиров и погребков. Только там, уверял Куприн жену, он может отдохнуть душой.

Вскоре у них родилась дочь Лида. Но рождение дочери не спасло семью

Лида Куприна, дочь писателя

от распада. Только Люлюша (так звали её в семье) с её детской наивностью не видела очевидного — у Куприна давно нет никакой семьи. Он знал: слухи о том, что в доме Куприных не все ладно, уже ползут по Петербургу. Но никакие, даже самые злейшие сплетники не могли представить себе всю глубину обрушившейся на его дом беды. Что они могли знать? Что Александр Иванович Куприн выбрал на день рождения жене часы, которые ей не понравились, а увидев ее недовольство, растоптал их каблуком? Что вне себя от ревности разломал, угрожая ей, голыми руками оловянную тарелку? Что, вспыхнув по какому-то пустяковому поводу, кинул горящую спичку на подол ее вечернего платья и, не мигая, молча смотрел, как она ловит ладонями метнувшиеся по газовой ткани языки пламени? Да, все это было. Но это лишь верхушка отвратительного айсберга, слепая, необузданная "кулунчаковская" вспыльчивость, которую он хорошо знал за собой еще с кадетских времен. Нет, вовсе не в ней было горе. Да разве в ссорах дело?! Любовь может пережить десятки, даже сотни ссор. Только не это надменное, деланное равнодушие, которое гадюкой вползло в его дом. И впустила его туда женщина, его жена, мать его дочери... Даже девки, с которыми он когда-то ночевал в третьеразрядных киевских борделях, по утрам улыбались ему сонными и мятыми улыбками. А Маша, встав по утрам, могла и не улыбнуться... Если считала, что он эту улыбку не заслужил.

Свое намерение сделать из Александра Куприна корифея и классика Муся Давыдова принялась воплощать в жизнь нежно, но решительно. Да и Куприн, казалось, пылал планами, в первое же проведенное с молодой женой в Крыму лето написал три прекрасных рассказа. Вскоре была начата и новая крупная вещь, задуманная при горячем одобрении Маши, - повесть "Поединок". Однако вернувшись в Петербург, Александр Иванович вдруг засбоил, все чаще после редакционных совещаний в журнале торопясь не к письменному столу, а в расположенный поблизости от редакции трактир "Капернаум". Возвратившись, старался на жену не дышать, заискивающе улыбался, просил Машу не нервничать... Злобная досада вдруг окатила Куприна. Почему, разговаривая с собственной женой, он так часто снова чувствовал себя маленьким мальчиком, который жметя в передней у какого-то благодетеля, одергивал на себе выходной костюмчик, перешитый из старой материнской юбки? Унижение, незабываемое и непрощаемое, когтило душу... Вот Машенька язвительно высмеивает паноптикум, бесхитростное грошное развлечение, так скрашивавшее когда-то годы его бедной на впечатления юности, куда он повел ее в наивной жажде поделиться с любимой собственным удовольствием. Вот она озабоченным тоном передает ему слова Горького, который велел "Заставлять мужа больше работать". Вот недовольно замечает,

что абзац новой повести слишком уж похож на текст чеховских "Трех сестер". Вот, плохо скрывая раздражение, высмеивает кажущийся ей нелепым замысел рассказа о разгуливающем по Питеру японском шпионе. Вот велит кухарке не накрывать для него завтрак, заявляя, что после еды Александр Иванович плохо пишет... Ходит под дверями кабинета, прислушиваясь, работает ли муж или просто глядит в окошко... А вот он сам, стоя на черной лестнице, смиренно ждет, пока жена по ту сторону приоткрытой, на цепочке, двери прочтает написанные им сегодня листы.

Дело в том, что Марие Карловне постоянно казалось, что он разменивается на мелочи, недостаточно усерден в работе, что "Поединок", на который она возлагала большие надежды, движется слишком медленно. Работа над «Поединком» действительно затягивалась из-за постоянных загулов Куприна. Мария Карловна, потеряв терпение, пошла на довольно жестокий шаг. Она выгнала Куприна из дома, заставив снять «холостую» квартиру, где он должен был работать над повестью. Навещать её и их маленькую дочку Люлюшу он имел право, лишь предъявляя новые страницы рукописи. Однажды он принес ей часть старой главы. Утром она заявила, что обманывать её ему больше не придется и распорядилась на двери кухни повесить цепочку. Теперь, прежде чем попасть в квартиру, он должен был просовывать рукопись в щель двери и ждать, пока жена просмотрит её. Если это был новый отрывок она открывала дверь.

А Куприн, стесняясь признаться в собственной слабости, искал и не находил слов, чтобы объяснить ей, как мучительно страшно ему писать о треклятом гарнизоне и снова вспоминать то, о чем хотелось бы забыть. Он не смог найти этих слов даже тогда, когда с позором был изгнан на «холостую квартиру». Он мучительно томился по маленькой Люлюше, по дому, к которому был привязан так страстно, ревниво и трепетно, как только и может быть привязан к дому выросший бездомным мальчик. Неужели Маша была так наивна, чтобы думать, будто его, одной рукой выжимавшего двухпудовые гири и способного ударом плеча высадить любую дверь, держит на черной лестнице их квартиры жалкая цепочка? Его держала там любовь... Настоящая, та, которая держит крепче любых цепей и которой он, несмотря на глупые, тупые, досужие сплетни, и в самом деле пылал когда-то к этой девушке с умными глазами и звучным решительным голосом. Пылал... Пока Маша сама эту любовь не убила ... Убила ради собственного тщеславия ... И теперь ей его ничем не удержать. Это было началом конца.

Кровь ударила Куприна в голову. В чем он, собственно, виноват? В том, что, не проверив сам, не пощупав, не попробовав на вкус и не почуяв запаха, не

М. К. Куприна с дочерью
Лидией

может передать на бумаге ничего, даже самой распоследней мелочи? В том, что пишет свои рассказы медленно и мучительно, с кровью отрывая от души каждое слово? Или в том, что может просидеть ночь напролет в кабаке с извозчиками только для того, чтобы доподлинно узнать, какими словечками именуют они разные типажи седоков? Может привести в свою спальню пойманную в овсах приبلудную лошадь и всю ночь слушать, как она дышит, как фырчит во сне?

Обиды, несправедливости, горькие нелепые слова, вырвавшиеся из уст жены за пять лет супружества, - все вдруг разом всплыло в его памяти. Даже Машина самоотверженность, с которой она несколько недель по кусочкам склеивала разорванную им в отчаянии рукопись "Поединка!", теперь казалась омерзительным позерством, жалкой игрою в благородство. Забыть, не помнить... Не помнить, забыть! Он начал пить. В середине девятисотых молва о купринских загулах и его необузданном нраве грозила догнать его литературную славу. "Водочка откупорена, плещется в графине, не позвать ли Куприна по этой причине?" - ехидно пели в петербургских трактирах.

Он пускался в загулы, переезжая из одного кабака в другой, не слушая ничьих увещеваний и запрещая пускать к себе кого угодно, кто не желал пить с ним вместе. Стойкая уверенность Куприна в том, что самые интересные жизненные истории, самые сокровенные людские мысли можно узнать именно за столом, сложилась у него еще во время его странствий. Сколько он так узнал, подсмотрел и подслушал этих пьяных откровений, в которых выплескивались души и из которых потом родились его герои и его рассказы! Вот только момент, когда эти полные жажды впечатлений встречи стали перерождаться в непотребные, пошлые кутежи, Александр Иванович как-то пропустил...

Что касается норова, то Куприн и на трезвую голову мог высадить стекло в вагоне первого класса только потому, что некие господа не пожелали перестать курить в присутствии маленькой Лидочки. А уж к пьяному к нему и вовсе мало кто решался подступиться. Стоило Куприну, обряженному в татарскую тюбетейку, прищурить свои налитые кровью раскосые глаза и злобным шепотом кинуть: "Геть!", как не вовремя приступившие к нему визитеры, по выражению Бунина, "словно сквозь землю проваливались». Александр Иванович Куприн внешне вообще не походил на человека искусства. Он был коренаст, широкоплеч. Его отличала военная выправка: сказывались годы учёбы в Московском кадетском корпусе и Александровском военном училище. Мария Карловна не знала как ей поступить во всей этой ситуации. Ссоры, даже угрозы разрыва, которыми она так успешно манипулировала когда-то, похоже, больше не пугали мужа. Еще несколько раз супруги сходились и расходились. Постепенно они становились чужими людьми. Связывала их только дочь — Люлюша. Вскоре по Петербургу поползли слухи о том, что Куприны разводятся. В канун пятилетия свадьбы Александр Иванович ушел из дому.

А.И. Куприн

Но сердце писателя к тому времени не было свободно. Он был влюблен в Елизавету Морицевну Гейнрих, которая некоторое время жила в их доме. Четырехлетней дочери Куприна Лидочке, или, как называли ее родители, Люлюше, нужна была гувернантка. Это место родители предложили своей давней, хотя и не слишком близкой знакомой двадцатипятилетней Лизе Гейнрих. Лиза очень привязалась к девочке. Та отвечала

ей взаимностью.

Куприн влюбился в Елизавету Морицевну без памяти и объяснился ей в любви. Она же долго обманывала себя, свое сердце. Лиза видела этот застенчивый и тревожный взгляд, которым смотрел на нее Александр Иванович. Она испытывала смущение и холод, предательски подступавшие к щекам, стоило ей услышать его хриловатый рокошующий голос. Она знала все о нем и о себе. Знала и боялась этой правды. Может быть, потому, что где-то в глубине души уже тогда чувствовала: от ее решения зависит не только ее, но и его судьба.

Каждый раз, едва слышав его шаги, Лиза, будто желая спастись от чего-то грозно и неумолимо надвигавшегося на нее, стремительно подхватывала на руки Лиду, зарывалась лицом в ее волосы, такие же смоляно-черные и прямые, как у отца, и убеждала себя, что щемящая нежность, загоравшаяся в этот момент глубоко в сердце, предназначена только девочке. Но день, когда обманывать судьбу стало больше невозможно, все-таки настал. После того, как писатель признался ей в своих чувствах, она спешно покинула дом Куприных. Узнав об этом, Александр Иванович тяжело опустился на стул. Где-то под сердцем усиливалась мелкая, тошнотворная дрожь. Он уже давно знал, что на каждый удар его сердца её откликается. Знал! И не надо было просить у Судьбы ничего большего. Пусть бы Лиза просто была рядом: журила Люлюшу за выпачканное платье, улыбалась, ходила, пила чай ... Только бы была! Он и сам не понимал, почему эта девушка, которую он знал так давно и как будто бы не знал вовсе, вдруг внезапно и стремительно захватила в плен его душу. Когда это произошло? Может быть, когда она вдруг расплакалась над его рассказом о детских унижениях, который так сконфузил мать и раздосадовал жену? Или когда восторженно распахнула глаза на его

Лиза Гейнрих

предложение поискать в старой усадьбе сокровища? Теперь он что угодно отдал бы, чтобы повернуть время назад, где они с Люлюшей и Лизой играли в жмурки, искали в даниловекой библиотеке клад...! **«Я не буду разрушать семью. И не оставлю Лиду без отца»**, - сказала Лиза, когда уходила от него.

Лиза была лишь годом моложе Муси, но дружбы между ними никогда не было. Умница, интеллектуалка и гимназистка Мусенька, привыкшая запросто беседовать с известнейшими российскими литераторами, посматривала на тихую и, казалось, совершенно равнодушную к умным разговорам в столовой Лизу свысока. Жена заметила, что муж смотрел на Лизу тяжелым, будто бы трепещущим взглядом, но значения этому особо не придала. **«Да откуда ей взяться, этой дурацкой любви, от которой на Саше лица нет? Нет ее и быть, конечно, не может! Просто очередной пьяный бред»**, - рассуждала она.

После ухода из семьи писатель много пил... Его близкий друг, Ф.Д. Батюшков, видя, как Куприн губит здоровье и талант, нашел Лизу в одном из провинциальных городов и убедил в том, что разрыв Куприна с женой все равно окончателен и что ему рядом нужен именно такой человек, как она. Лиза приехала к нему в кабак, где он в очередной раз напился и сказала: **«Если хочешь, Саша, мы можем уйти отсюда прямо сейчас...»**.

В 1907 году он женился во второй раз. Любовь Лизы Гейнрих сделала то, на что, казалось бы, не было уже надежды - вернула Александра Куприна к литературе и к жизни. Через двадцать два года после женитьбы на Лизе Александр Иванович напишет ей: **«Нет никого лучше тебя, ни зверя, ни птицы, никакого человека!»**. У него есть много тонких рассказов об ожидании любви, о любовной тоске — обо всем, что испытал он сам.

В марте 1907 года он уехал вместе с Лизой сначала в Гельсингфорс, а потом в Гурзуф. Лето снова прошло в Даниловском, где год назад так трагически начиналась их история и где на этот раз Куприн писал одно из своих самых прекрасных произведений о любви - повесть «Суламифь». Все права на написанные до развода произведения он оставил Марии Карловне и Лидуше, начав жизнь с Лизой с чистого листа.

Образцовым семьянином так и не стал, его по-прежнему влекли самые небывалые приключения - от едва не стоивших ему жизни полетов на аэроплане до гонок на лыжах под парусом. И, как и раньше, в сопровождении приятелей самых экзотических профессий Куприн время от времени отправлялся в экспедиции по кабакам. Однако всех знакомых писателя неизменно поражало то, как удавалось Лизе без упреков и сцен прекращать даже самый отчаянный его загул. Однажды беременной на последнем месяце ей пришлось прождать его возвращения несколько часов кряду, сидя на лестнице перед захлопнувшейся дверью. Но и тогда она ни сказала ему ни

А. Куприн с женой Лизой

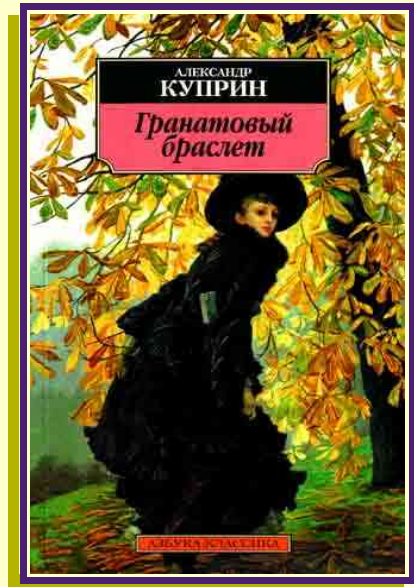
слова. Только посмотрела так, как умела смотреть она одна. По свидетельству Бунина, после этого случая Куприн несколько месяцев не брал в рот спиртного. Ради мужа Елизавета Морицевна готова была выдержать все: разрыв близкими, так и не признавшими ее право на любовь, вечную суматоху и безденежье в доме, эмиграцию и унижительную борьбу за жизнь в так и не ставшей Куприну родной Франции, даже расставание с любимой дочерью Ксенией, не пожелавшей в 1937 году вернуться вместе с умирающим отцом в Советский Союз. Единственное, чего Лиза так и не смогла вынести, - это жизни без Саши: в 1942 году, через четыре года после смерти мужа, она повесилась в оккупированной фашистами

Гатчине.

Почти все произведения Куприна автобиографичны. Все мечтатели и все влюбленные в жизнь в его рассказах - это он сам, Куприн, цельный и непосредственный человек, не знающий ни рисовки, ни позы. Поэтому его неудержимо тянуло к таким же простым и ярким людям, каким был он сам.

Есть у Куприна одна заветная тема. Он прикасается к ней целомудренно, благоговейно и нервно. Это - тема любви. У любви тысяча аспектов, и в каждом из них свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание. Один из самых томительных и печальных рассказов о любви - это купринский «Гранатовый браслет». Куприн плакал над рукописью «Гранатового браслета». К сожалению, писатели не так часто плачут над своими рукописями, потому что эти слезы говорят о глубокой жизненности того, что писатель создал, иной раз сам не понимая до конца силы своего перевоплощения и своего таланта. Куприн говорил, что ничего более целомудренного он еще не писал. Все персонажи «Гранатового браслета» действительно существовали.

Любовь у Куприна - это не только «наука страсти нежной». По словам самого писателя, это **«великое благословение всему: земле, водам, деревьям, цветам, небесам, запахам, людям, зверям и вечной благодати и вечной красоте, заключенной в женщине»**. Куприн повсюду искал ту силу, которая могла бы возвысить человека, помочь ему обрести внутреннее совершенство и счастье. Такой силой могла стать любовь к человеку, о которой прямо, в открытую, он говорит

не так уж часто. И тем не менее каждым своим рассказом он призывает к человечности.

Свои рассказы Александр Иванович писал легко, брал талантом, но прекрасно понимал, что на одном таланте без большого жизненного материала долго не продержишься. В одном из своих писем он писал о том, что, когда он вышел из полка, **«самое тяжелое было то, что у меня не было никаких знаний - ни научных, ни житейских. С ненасытимой и до сей поры жадностью я накинулся на жизнь и на книги»**. Куприн изъездил всю Россию, меняя одну профессию за другой. Он изучил страну и знал ее во всех ее качествах, любил жить одной жизнью с простыми людьми, выспрашивать их, запоминать их язык. И так постепенно, из года в год, Куприн стал бывалым человеком, знатоком своего народа. Все занимало его, и обо всем он рассказывал живо, со вкусом.

Октябрьскую революцию писатель не принял и в 1919 году вместе с войсками Юденича покинул Россию. Восемнадцать лет провел он на чужбине, о которой сказал в одном из своих интервью: **«... Настоящая жизнь здесь. Нельзя нам писать здесь...»**. Куприн очень скучал по России, в письме художнику Илье Репину он писал, что ему не хватает хотя-бы 2-3 минут разговора с русским человеком, извозчиком, плотником, каменщиком. **«Я изнемогаю без русского языка»**, - утверждал он.

Кроме того, живя за границей, Александр Иванович очень переживал за судьбу своей дочери Ксении, которая родилась у него во втором браке с Елизаветой Морицевной. Он молча страдал, жалея больше себя жену, которая ночами перешивала любимой дочери платья, поднимала петли на чулках. Ксения все более отдалялась от родителей, уходила в свой мир: манекенщица, киноактриса. Куприн ещё по-отцовски хорохорился, мечтая «пристроить» её, «подыскать» приличную партию.

Хорошенькая, ещё более милая своей стеснительностью, невинностью, девушка совершенно неожиданно для себя была принята в знаменитый в ту пору дом моделей Поля Пуаре. Труд манекенщицы тогда на Западе оплачивался очень скудно, но было одно достоинство: разрешалось взять на вечер какой-нибудь туалет. Однажды дом моделей одолжил русской Золушке золотое платье. На приеме, куда она была приглашена, Золушку в сказочном наряде встретил Принц — очень известный во Франции режиссер Марсель Лербье. Он предложил Ксении Куприной сделать кинопробу, которая оказалась удачной. С этого началась её карьера киноактрисы. Постепенно имя Ксении Куприной стало довольно популярным, популярным настолько, что однажды таксист, подвозивший его до дома, услышав знакомую фамилию спросил: “Вы не отец ли знаменитой Ксении Куприной?” Вернувшись домой, Куприн горько сказал жене: «До чего дожил... Стал всего лишь отцом «знаменитой дочери»».

Ксения Куприна, дочь от брака с
Е. Генрих

В эмиграции зарабатывать на жизнь писательским трудом оказалось для Куприна непосильной задачей. Работалось ему тяжело. Теряющий силы и здоровье писатель, все чаще впадал в депрессию. Заботы о насущных нуждах семьи взяла на себя Елизавета Морицевна, но без особого успеха.

«Знаменитый русский писатель жил в великой бедности, - писал литератор Н. Рошин, - питаюсь подачками тщеславных «меценатов», жалкими грошами, которые платили хапуги-издатели за его бесценные художественные перлы...». Сам

Куприн вспоминал: **«Жилось ужасно круто, так круто, как никогда. Я не скажу, не смею сказать — хуже, чем в Совдепии. Ибо это не сравнимо. Там была моя личность уничтожена. Она уничтожена и здесь, но там я признавал уничтожающих, я на них мог глядеть с ненавистью и презрением. Здесь же она меня давит, пришибает к земле. Там я всё-таки стоял крепко двумя ногами на моей земле. Здесь я чужой, из милости, с протянутой рукой. Тьфу!».**

Жил он в Париже, в одном доме с Буниным. Куприн невыносимо тосковал по Родине. До слез тосковал. Не спал ночами. Часто просил отварной картошки с постным маслом, говорил, что готов идти в Москву даже пешком. Мечта Куприна вскоре сбылась: в 1937 году Куприн с женой всё-таки вернулся на родину, но уже был стар, слаб, болен. Через год и три месяца он скончался...

Встретили его в Москве достойно, как знаменитого русского писателя. Он был окружен вниманием, общался с военными, которые приходили к нему в гости, пели народные и современные песни, рассказывали о службе... Жить писателю оставалось немногим больше года.

А. И. Куприну, можно сказать, повезло. В отличие от большинства других видных писателей Русского Зарубежья, которые до недавних пор на целые десятилетия были напрочь забыты в родной стране, автор «Молоха», «Поединка», «Ямы» и других столь же популярных у отечественной читающей публики произведений, в СССР никогда не замалчивался.

Москвы от литературы, после того как писатель эмигрировал, утверждали, что в произведениях Куприна нет «женщин-общественниц», зато мастерски выписаны «пленительные самки». В конце концов дело дошло до того, что по распоряжению заместителя наркома просвещения Н.К.

Куприн, возвращение на родину

Крупской фамилия Куприна вслед за Достоевским была включена в составленные Наркомпросом списки авторов, направляемые в библиотеки страны, чьи книги следовало изъять и сжечь.

В результате кое-где действительно запылали едва ли не первые в мире костры из книг. Но и строгий наркомпросовский циркуляр не в силах был заставить всех библиотекарей изъять и тем более сжечь столь дорогие для их сердец книги. А когда Александр Иванович Куприн вновь ступил на родную московскую землю — вернулся из эмиграции, а вскоре из «зараженного социальной слепотой» «оголтелого черносотенца» был «произведён» в «любимого советским народом русского классика», тут же, как по мановению волшебной палочки, тиражи его книг подскочили за миллион. Их стали издавать не только в Москве и Ленинграде, но и едва ли не во всех республиках, краях и областях необъятной страны.

Выходили не только отдельные произведения Куприна, но и сборники избранной прозы. Начали издаваться и собрания его сочинений. По произведениям Куприна стали снимать фильмы. Появилось немало добротных публикаций и о самом писателе.

Став в годы эмиграции глубоко верующим человеком, в возрождении России он отводил большую роль Церкви. Восхищался мужеством патриарха Тихона и других православных священников, открыто выступавших против политики государственного атеизма.

А тот факт, что Александр Иванович, будучи уже крепко пожилым и очень больным человеком, все-таки на исходе жизни вернулся в столь страстно критикуемую им большевистскую Россию, красноречивее всего говорит об одном: это был настоящий русский патриот, который любил Отечество вне зависимости от того, какие политические порядки властвуют в нём в то или иное время. Больше всего был привержен именно Родине, а не той или иной власти.

Главная заповедь Куприна, оставленная потомкам, - это любовь к жизни,

к тому, что есть в ней интересного и красивого: к закатам и рассветам, к запахам луговой травы и лесной прели, к ребенку и старику, к лошади и собаке, к чистому чувству о доброй шутке, к березовым лесам и сосновым рощам, к птице и рыбе, к снегу, дождю и урагану, к колокольному звону и воздушному шару, к свободе. И полное неприятие всего, что уродует и пачкает человека. Оглядываясь сегодня на жизнь, прожитую Александром Куприным, читая и перечитывая написанное им, понимаешь: стоит последовать этой заповеди, как вдруг станет ясно, какими счастливыми можем мы быть, какими неисчислимыми богатствами уже владеем и как много можем приобрести с течением жизни.

Не только талантливый писатель, но и мудрый провидец, в 1922 году он сказал: **«Двадцатый век пошёл ещё более жадным, головокружительным темпом... Производство находится почти в полном подчинении у человека, и, по всем данным, в распоряжении у него должно было бы остаться гораздо больше свободного времени... Говорят, любят и думают люди как-то мимоходом. На бегу, урывками... Скорее, ещё скорее. И как много эта жизнь выиграла в скорости, так же много потеряла в красоте и невинной радости. Человечество погрузится в тихий, послушный желудочно-половой идиотизм».** С этим веком Куприну было не по пути...

Когда он умирал, у его постели неотлучно находилась Елизавета Морицевна. Он шептал ей: **«Я знаю, что иногда схожу с ума и бываю тяжёл, но милая, будь со мной милостива».** Он ушёл из жизни 25 августа 1938 года. Когда-то в молодости, заболев, Куприн говорил, что, умирая, хотел бы, чтобы любящая рука держала его руку до конца. Что ж, его желание исполнилось...

Похоронен в Санкт-Петербурге, на Литераторских мостках, рядом с могилой Тургенева.

Последнее фото с женой